

Происшествие, которое никто не заметил

Культура. — 2000. —
1 нояб. — С. 12

Явление Володина Омску

Володин позвонил ночью. «Знаешь, я подумал — мне осталась в жизни одна поездка. И я хотел бы поехать в Омск. Где-то я про него читал — то ли у Пастернака, то ли у Эренбурга. Он представляется мне белым городом...»

Совершенно безответственно этой же ночью я написала записку Омской драме Оле Никифоровой: «Оля, Володин хочет в Омск. Что ты про это думаешь в принципе?» — и легла спать, поскольку две зимние поездки на премьеру «Происшествия, которого никто не заметил», поставленного В.Петровым под Новый год, уже благополучно сорвались («Триумф», Президентская премия и пр.) и я понимала: никуда Володин не поедет. К тому же — лето, конец сезона, какие там поездки!

Утром в редакции меня ждала записка: «Марина, самолет 23-го, 25-го — спектакль, 26-го — юбилей Ицкова, 27-го — назад. Володин согласен. Целую. Оля».

Как-то все вдруг сложилось, что обычно свидетельствует о покровительстве свыше. И то, что в репертуаре оказался володинский спектакль, и то, что рядом — юбилей Ю.Ицкова, которого Володин полюбил еще на «Балтийском доме», посмотрев «Академию смеха», и который играет «его», Автора, Володина, в «Происшествии...» Словом, на самом деле это было действительно происшествие. Впервые за много лет А.М.Володин летел в театр «далеко от Москвы» (потом он предлагал именно так назвать статью о нашей поездке).

Я обещала ему, что в Омске будет хорошо, потому что там не бывает плохо. Он кивал, но уверенности не испытывал. Теперь говорит, что это были три замечательных, счастливых дня — от того момента, когда в пять утра у трапа самолета (где еще возможно такое?) его начали кружить девушки-русалки (а солнце слепило, и после ночи в самолете все вообще смешалось: Ю.Ицков с Хлебом-солы, В.Петров без хлеба и Б.Мездрич без соли...). Потом, утром, у театра толпа «цыган» (почти вся труппа — где еще возможно такое?) столь неподдельно искренне величала его («К нам приехал, к нам приехал Александр Моисеевич дорогой»), что в первый момент он принял их за настоящих (солнце по-прежнему слепило, а водка была настоящая, и настоящие столики уличного театрального кафе у стен театра тоже не вызывали сомнений) — и с этого момента началось счастье трех дней в Омске. Счастье наше, счастье театра («Мы осознаем, что произошло, только когда вы уедете, а

мы будем вспоминать, как три дня сидели с ним в буфете, на скамейке, болтали, фотографировались...» — признавались актеры), счастье общей жизни. «Счастье — это общение с людьми, — говорил Володин. — С близкими. Здесь я почувствовал этот круг людей. Когда мы сидели вечером после спектакля, это был уже большой круг. Омская драма — театр-Дом, и это чувствуется сразу. С этого вообще начинается театр. Если в Доме возникают ревность или зависть — все кончается. Хорошее общение с хорошими людьми, устремленными друг к другу, — это и есть счастье».

Это «происшествие, которое никто не заметил» (в смысле — российская общественность), — в какой-то степени памятник и Володину, сумевшему в очередной раз во всех смыслах «подняться и полететь», и Омской драме. «Омск оказался таким, каким представлялся мне давно. Здесь люди больше чувствуют себя в Доме. Другие лица. Более достойные, более умные, чем в Петербурге, где все бегут. Нет, в Петербурге еще не так бегут, там все рассеяны, но двигаются тише, а вот в Москве уже вообще ни на кого не смотрят!»

Не знаю, когда он спал, потому что днем общался-общался-общался, выступал-выступал-выступал по телевизору, а по ночам читал журнал «Письма из театра» и какие-то пьесы. «Оля, я больше не могу слышать, что я великий и классик!» — жаловался он Никифоровой. «Раньше надо было думать, когда за ручку брались пьесы писать», — сурово и непреклонно отвечала записки театру. Мы все очень много хохотали под ее чутким руководством. Был затеян даже «театр жизни» — «осенний марафон» с соперничеством Маши Степановой, играющей Настю в спектакле («Я тебя полюбил!») и Оли Никифоровой («Я и тебя полюбил давно!»). Володин играл с удовольствием, как и его партнерши, и две скамейки у театра часами переживали аншлаги на этих импровизированных спектаклях. «Как вы спали?» — спрашивала его с утра Никифорова. — «Хорошо». — «Небось, Машка снилась?!!!» Так начинался день.

Поражало его многое. Сперва — Ю.Ицков, которого он сравнивает теперь с Е.Евстигнеевым («Я вчера сказал Ицкову — я дарю тебе свою «Маску» «За честь и достоинство», а он обещал мне в ответ свою, прижизненную. Таким образом, у него будет честь и достоинство, а у меня будет лучший актер!»). Потом — Маша Степанова, назначенная им в те дни «Лучшей артисткой России», потом — спектакль «Отель на час»

фото ИТАР — ТАСС

П.Ландовского, увиденный Володиным в первый вечер («После того как наши танки вошли в Чехословакию, я ее полюбил безумно! Она — особенная страна. Там было поразительное кино — продолжение итальянского неореализма, но больше юмора, свободы, игры. Меня никогда не пускали туда, потом Ефремов ударил кулаком по столу — и я поехал туда с «Современником»). И мне стало понятно что-то, и я понимаю, почему Ландовский так точно написал. Мне очень понравилась пьеса. Четыре замечательных актера — так не бывает, одного покажут — и на том спасибо! Перед смертью Олег Ефремов говорил мне о том, что во МХАТе остались три актера, что у следующих поколений нет ни способности мыслить, ни сердечного отклика на то, что происходит на сцене и в жизни. Другой режиссер мне говорил: нет красивых людей, к нам не приходят красивые женщины, они идут в другие места — туда, где можно заработать. То есть нет красивых, мало умных, все не то. А здесь! Так сохранен театр, такие красивые женщины — заглядишься, и такой умный Петров! Что он сделал из этого спектакля!»

Действительно, радостью стал сам спектакль. Признаюсь честно и от себя — для меня «Происшествие» оказалось едва ли не лучшим спектаклем В.Петрова, сравнимым разве что с моей любимой «Часовней». Володин до этого видел только

«Академию смеха» и к постановке в Омске с самого начала относился настороженно (утешало одно — далеко от Москвы и никто не увидит). Теперь он говорил: «Я писал это просто так. Сказочка. Ну вижу — плохо, ну — не получилось, и больше я это никуда не давал, не перепечатывал, стыдился. Сейчас готовится книжка, они хотят включить этот сценарий, а я — ни в какую. И после этого спектакля понял окончательно, что того, то написано, быть в книжке не должно. А что в спектакле произошло — это все Петров. Ведь когда он решил это ставить, я подумал, что он недалекий человек, наверное, сентиментальный. Ну, бывает...»

Мысль, которая у него возникла по поводу этой неудачной сказочки, была неслучайна (он умный!). Все, что я делал в жизни, — я писал про земное, но обязательно с внутренним ощущением чего-то высшего. И он соединил это в спектакле. Мама героини больна, сама она одета плоховато, все трудно и худо — и вдруг оркестр, который играет Чайковского и участники которого входят в действие! Я стихи плохо пишу, но у меня есть про это: «Ты, музыка, так беспредметна...» и так далее. Оркестр Евгения Шестакова создал это высшее. И вместе они так тонко подобрали куски, переходы... Это, в сущности, делает спектакль спектаклем блистательной формы. А как точно и тонко построены ее, Насти, Маши Степано-

Володин и его «Золотая маска» — Ицковым. Он подталкивает ее к чему-то, а у него не получается, он ее оберегает — не получается, отходит в сторонку, жалеет, иронизирует. Трудно с ней. Но как Ицков это делает! Мне захотелось быть таким же, как он, — добрым, мудрым, сострадательным. По-человечески». (Последнее было признано и на юбилее Юрия Леонидовича и в аэропорту при расставании).

В последний вечер А.М. поставил меня по стойке смирно посреди своего номера, налил рюмку и сказал: «Давай поклоняемся, что сделаем все, чтобы Омская драма приехала на гастроли и показала спектакли и чтобы «Происшествие» показали по телевидению». Мы поклонились и выпили.

«Ненавижу благополучные концы, поэтому не люблю дописанный вариант «Старшей сестры», где она становится знаменитой актрисой. И противно, и стыдно. А здесь нет счастливого конца. И как Володя Петров сообразил его выкинуть!» — говорил Володин на встрече с театром. Но конец нашего пребывания в Омске был счастливым, как и начало.

«Даже странно, но Омск оказался таким, каким я представлял его себе, и еще лучше!» — повторял Володин потом много раз.

Марина
ДМИТРЕВСКАЯ